

Урок. - 1990. - 1-й фев.

Тамара ИВАНОВА

Образ мира, в слове явленный...

Многие писатели начинали свой творческий путь с журналистики. В газете «Гудок», которую вы сейчас читаете, сотрудничали Олеша, Ильф и Петров, Булгаков, Гехт, Паустовский. Во время Великой Отечественной войны регулярно печатались в «Гудке» и Всеволод Иванов, мой муж.

Не только гражданский долг заставлял их исполнять поденную газетную работу, приводила их в редакции и необходимость заработка. Ведь никому из перечисленных мною писателей, да и многим другим, не жилось легко и беззаботно.

Борис Леонидович Пастернак материально жил скромно, однако в газетах не сотрудничал, для поддержания семьи он занимался переводами. Впрочем (повторю уже в иной последовательности), суровая необходимость сочеталась с гражданским долгом, долгом перед культурой. Борис Леонидович считал себя обязанным открыть, донести до русского читателя творения грузинских, немецких, французских поэтов, слово шекспировских пьес.

Переводами он занимался регулярно, выполняя ежедневный «урок», не жалея собственных сил и таланта, ища в строе чужих языков созвучное себе. Даже в самые тяжкие дни испытаний переводы не были отложены.

Во время войны семья наша оказалась в Ташкенте, а Пастернаки в Чистополе, я, рассказывая о самом важном в своей жизни, Борис Леонидович пишет в переводах, как, например, в письме от 8 апреля 1942 года: «Дорогие Всеволод и Тамара Владимировна! Сегодня я окончил вторую заказную работу (перевод избранного Ю. Словацкого) и, хотя это черновик, требующий отделки, решил отдохнуть и весь день доставляю себе удовольствие. Я расчистил дорогу к сараю, заваленному снегом до крыши, сходил на почту, отправил Алику (пасынку Б. Л., который находился в санатории на Урале. — Т. И.) деньги, прожевал раздучу хлеба и остался на бабах (малое неподходящее выражение!). Кто бы не согласился испытать его фигуральность в грубейшей дословности? Пока я не встал снова за работу, я хочу написать Вам и Жене (Т. И.) Евгению Борисовичу. — С. И.).

Тут необходимы некоторые объяснения. Борис Леонидович уважал физический труд и для самого себя всегда считал его обязательным. Он очень любил земляные работы. На его дачном участке было знаменитое картофельное поле, которое он регулярно сам обрабатывал.

Ритм его жизни в мирные годы был примерно таков: утром работа умственная, творческая. Перед обедом работа на картофельном поле. Потом душ (в саду под открытым небом в специально сделанной для этого фанерной загородке). Обед. И опять работа кабинетная. Перед поздним ужином непрямая прогулка.

Работал в огороде Борис Леонидович обнаженным до пояса. На голове — детская полотняная панамка грешником. В одежде Борис Леонидович был крайне неприхотлив. Но как бы ни был он одет — выглядел подтянутым и даже элегантно. Со старой одеждой он никак не хотел расставаться, и Зинаида Николаевна приходилась обманно ее выбрасывать.

Но вернемся в годы войны. В Чистополе собралась большая группа писателей, организовалось нечто вроде писательской колонии или поселка. Чтобы заботиться о таком большом количестве людей, необходимо было создать руководящий орган. В руководство вошел и Пастернак. Кто бы мог подумать, что поэт «не от мира сего» (каким его считали) будет заниматься самыми прозаическими и трудными

вещами: обустройством людей, обеспечением продуктами и дровами нуждающихся.

Но за повседневными делами культура не была забыта, напротив того, состоявшие современной литературы чрезвычайно волновало Бориса Леонидовича, о чем речь идет в том же письме: «Леонов прочел нам новую замечательную пьесу, неподдельную и захватывающую почти на всем протяжении, кроме обычного и немного казенного конца...»

Между прочим (...) мы узнали о Толстовском Грозном. Это немного отравило радость, доставленную Леоновым. Все повесили головы, в каком-то отношении лично задеть. Была надежда, что за суматохою передвижений он этого не успеет сделать. Слишком оголена символика одинаково звучащих и так резко противопоставленных Толстых и Иванов и Курбских. Все царствования терпели стиль ампира, и вот пришла революция с ее стилем вампир».

Нынешний год объявлен ЮНЕСКО годом Б. Пастернака

Здесь опять-таки необходим комментарий. Борис Леонидович всегда относился к революционному прошлому России восторженно и коленипреклонно, но не мог и не хотел оправдывать тех разрушений и той крови, которые принесла революция. А уж воспевать «сильную руку», «твердую власть» не смог бы его заставить никто. В сочинении Алексея Толстого исторические аналогии выходили на первый план, да автор и не прятал их. Картины истории были слишком схожи с картинами сталинской действительности, схожи и восторженно воспеты.

Литературные взгляды Бориса Леонидовича были непоколебимо принципиальны. Он никак не мог согласиться с так называемым «социальным заказом» в литературе, постоянно с прискорбием возвращался к этой теме. Потому и сочинение Толстого, сделанное на потребу властей, было словно личным оскорблением для Пастернака. К слову сказать, то, что Борис Леонидович не пострадал в сталинскую эпоху, было случайностью. В материалах по делу В. Э. Мейерхольда, как участники контрреволюционного заговора, следовательно, как потенциальные жертвы репрессий, значились Пастернак, Вс. Иванов, Юрий Олеша. И тем страшнее, что, пережив сталинщину, радостно встретив время «оттепели», время XX съезда партии, Борис Леонидович стал первой жертвой пришедших «новых времен».

Пока о другом. Уже отгремела война. Писатели, у которых были дачи в Переделкине, вернулись в родные пенаты. Мы, впрочем, вернулись к пепелищу. Арендная наша дача сгорела вместе с огромной и чрезвычайно ценной библиотекой Всеволода. Беда эта коснулась и Пастернака, не только как сочувствующего нам друга, но и пострадавшего лично. Борис Леонидович, уезжая в эвакуацию, поставил в кабинет Всеволода, оставшегося в Переделкине, целый сундук с работами своего отца художника Леонида Осиповича Пастернака. Они сгорели вместе со всеволодовскими книгами...

На месте пожарница нам поставили финский дом.

Из эвакуации Пастернаки приехали несколько позже нас. Началось обживание дач заново. Даже такие мелочи, как посадка цветов, производились сообща. Привожу записку Бориса Леонидовича: «Дорогая Тамара Владимировна! В любом случае,

огромное спасибо. Если Вам не удастся достать все 50 (речь идет о посадке пионов. — Т. И.), то, может быть, и к лучшему, я не рассчитал, что м. б. под глазом надо разуть весь корень, а не один из отростков, а 50 корней, может быть, слишком много...»

О переделкинском житье-бытье Бориса Леонидовича, а также о редакторских нелепостях есть запись в дневнике Всеволода: «Пастернак... — я расскажу тебе почти анекдот. Меня попросили для Бюллетеня ВОКСа написать, как я работал над «Фаустом». Я сказал, что работал давно, многое забыл, мне не написать ничего, и вообще святые истоки я боюсь и трогать... Ну, написал Вильмонт, очень хорошо, а я приписал следующие мысли: «Фауст — это владение временем, попытка превратить короткий отрезок времени во что-то устойчивое, более или менее устойчивое». Я написал это, читаю по телефону сотруднице и спрашиваю: «Понятно?» — «Да, понятно, но ведь у нас переводчики, вот они, не знаю, поймут ли». — «А на каких языках выходит Бюллетень?» — «На английском». — «Знаете что? Давайте я напишу вам то же самое по-английски. Я же владею им так же свободно как русским, но все же...» — «Хорошо». — Написал. Спрашиваю: «Понятно?» — Отвечает: «Да, очень, гораздо лучше, чем по-русски, мы посылаем в набор!..»

Будучи соседями и на Лаврушинском, и в Переделкине, мы очень часто виделись с Борисом Леонидовичем, и все же он любил писать записки, которых у меня накопилось изрядное количество. Я отвечала устно. А Всеволод иногда тоже писал записку. Это вылилось как бы в игру.

Оба очень любили друг друга, что подтверждали и письменно. Поразительно почти текстовальное совпадение, которое встречается в их словах друг о друге, причем ни тот, ни другой не ведали, что пишут они одновременно. Всеволод пишет о Пастернаке: «Удивляет меня Борис, должен же гений осознавать свою исключительность — беречь жизнь, а он бодро и весело бросается навстречу опасности». Пастернак же в письме к жене Зинаиде Николаевне говорит: «...какляйся Тамаре Владимировне и скажи ей, что в естественных условиях и отдаленно нельзя себе представить, каким облегчением является в опасности близость или присутствие человека, которого любишь и знаешь при всех обстоятельствах. Я говорю о Всеволоде, который стоял в нескольких шагах от меня на крыше нашего дома в Лаврушинском переулке, а кругом была канада и море пламени».

И не только любили и ценили они друг друга, но и сразило их одно и то же — бумажка с приглашением на обсуждение «недостойного поведения поэта Пастернака, согласившегося принять Нобелевскую премию за свой антисоветский роман «Доктор Живаго».

Мы первые сообщили Борису Леонидовичу о присуждении премии, поздравили его.

А дальше началась свистопляска вокруг Пастернака. Она-то и была последней точкой. Психический стресс вызвал у обоих быстротечную и страшную болезнь, сведшую в могилу сначала Бориса Леонидовича, а в скором времени и Всеволода. Силы были неравны. Сколько таких стрессов пережили за долгие годы и Всеволод, еще со времен войны предчувствующий смерть и писавший о «судье у дверей», и Борис Леонидович, благородный и мужественно сказавший:

Что Вселенная проще,
Чем иной полагает хитрец,
Что, как в воду опущена
роща,
И приходит всему свой
конец...